



От типовых стратегий развития территорий к их индивидуализации¹

Владимир С. БОЧКО ¹⁾ , Екатерина А. ЗАХАРЧУК ²⁾  

^{1, 2)} Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Бочко, В. С., Захарчук, Е. А. (2023). От типовых стратегий развития территорий к их индивидуализации. *AlterEconomics*, 20(2), 376–391.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.5>

Аннотация. В современных условиях, когда разработка стратегических документов долгосрочного планирования развития территорий стала массовым явлением, закономерно возникает необходимость не только в формировании теоретико-методологических подходов к созданию типовых программных документов, но и использования нового, а именно индивидуализированного подхода к их реализации. Авторы предлагают наряду с общим описанием целей, задач и мер по движению территорий к желаемому будущему применять индивидуализированные меры, т. е. учитывающие многогранность и особенности производственно-экономического и социально-культурного потенциала территории. Такие меры должны базироваться на учете потребностей не отдельной личности и не всего территориального сообщества как определенной целостности, а на нуждах отдельных групп людей, которые рассматриваются нами как базовые социальные единицы индивидуализации стратегий развития территорий. Через действия их представителей достигается создание стратегий развития как документа общественного согласия. В статье обосновывается также положение о важной роли глав регионов и муниципалитетов в разработке индивидуализированных стратегий. Одновременно подчеркивается ведущее значение в этом процессе образованной общественности территории. Сделан вывод, согласно которому только в единстве двух сил — административно-управленческой и общественной — залог успешной индивидуализации стратегий развития территорий. Показано, что значительную опасность при разработке индивидуализированных стратегий представляет так называемый «эффект кобры», который может проявиться через удовлетворение потребностей только определенного слоя людей, а не всех социальных групп территории. Полученные в ходе исследования результаты рекомендованы для использования органами государственной власти и местного самоуправления при разработке документов стратегического развития и их актуализации.

Ключевые слова: индивидуализированные стратегии развития территории, потребности, образ будущего, социальные базовые единицы, «эффект кобры»

Благодарность: Статья выполнена в рамках государственного задания для Института экономики УрО РАН на 2023 г.

¹ © Бочко В. С., Захарчук Е. А. Текст. 2023.

RESEARCH ARTICLE

From Standard Territorial Development Strategies to Their Individualization

Vladimir S. BOCHKO ¹⁾ , Ekaterina A. ZAKHARCHUK ²⁾  

^{1,2)} *Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation*

For citation: Bochko, V. S., & Zakharchuk, E. A. (2023). From Standard Territorial Development Strategies to Their Individualization. *AlterEconomics*, 20(2), 376–391. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.5>

Abstract. In today's world, it is a common practice to devise strategic documents for the long-term development of territories, which requires not only theoretical and methodological approaches, but also a new individualized approach to the implementation of such strategies. In addition to setting goals, objectives, and measures for achieving a desired future for territories, the authors suggest using tailored approaches that take into account the territory's unique characteristics in production, economy, and socio-culture. These measures should reflect the needs of specific groups, which are considered the basic social units of individualization in territorial development strategies. The authors emphasize the important roles of heads of regions and municipalities, as well as educated members of local communities in developing individualized strategies. They note that successful individualization requires the unity of administrative and managerial forces, along with social forces. The authors, however, caution against the “cobra effect”, which occurs when individualized strategies only satisfy the needs of a particular group, rather than all social groups in the territory. Overall, this study's results are recommended for national, regional and local governments seeking to create and update strategic development documents.

Keywords: individualized territorial development strategies, needs, image of the future, basic social units, “cobra effect”

Acknowledgments: The article has been prepared in accordance with the state assignment for the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2023.

1. Введение

В представленной работе мы обращаемся к проблеме индивидуализации стратегий развития территорий, именно стратегий, а не к решению задач экономического районирования.

Как известно, экономическое районирование связано с установлением однородности (гомогенности) и разнообразия сравниваемых территорий под влиянием внешних и внутренних факторов. Его теоретической и методологической базой является научное направление под названием регионалистика. По проблеме ее формирования и развития имеется обширная литература (Izard, 1966; Баранский, 1964; Колосовский, 1969; Книпович, 2003; Шарыгин, 2006; Файбусович, 2010). В этих исследованиях не только применяются некоторые нюансы трактовки понятия «регионалистика», но даже используются для раскрытия анализируемых проблем другие наименования. Но, как отмечал академик А.Г. Гранберг (1936–2010), крупный специалист по региональной экономике, «понятие «регионоведение», «регионология», «регионалистика» являются однозначными» (Гранберг, 2000, с. 64). Следовательно, разность их названий не играет принципиальной роли.

Совсем другие задачи решает индивидуализация стратегий развития территорий. Она направлена на необходимость обосновать стратегии наиболее полного удовлетворения потребностей всех социальных групп местного территориального сообщества через учет своеобразия потенциалов анализируемых территорий.

Эти действия одновременно представляют собой решение как теоретических, так и практических задач.

Применяемые типовые стратегии развития территорий, по нашему мнению, по своей конструкции и способам решения проблем являются однообразными, т. е. описывают лишь общие подходы к целям, задачам и мерам по движению территорий к желаемому будущему. Методом некоторых корректировок типовые стратегии «привязывают» к территориям, являющимися по своему облику и развитию многообразными и многоликими субъектами производственно-экономической и социально-культурной деятельности (Трифонова, 2021). Казалось бы, что задача решена, поскольку получены ответы на вопрос об общем социально-экономическом развитии данных территорий.

Но этот вариант действий не отвечает на вопрос: как быть не с общими ответами о социально-экономическом развитии территорий, а с конкретным удовлетворением многообразных потребностей отдельных людей, выступающих в виде множества местных социальных групп?

Наш ответ состоит в том, что надо применять к каждой из территорий индивидуальный подход к их развитию и использованию нарастающего социально-экономического потенциала. Это значит, что даже две однородные территории могут и должны иметь различные стратегии развития. Все зависит от того, какие задачи на данной территории решены, а какие еще предстоит определить и найти варианты решения.

Но, чтобы это было достигнуто, следует не только знать особенности природно-ресурсного и технологического потенциала территории, но и включать объективно-субъективный фактор в виде действий лиц, занимающих руководящие административные должности в административно-территориальных образованиях. На практике стратегии развития территорий проводятся в жизнь органами власти через различные меры экономической политики (Демьяненко, 2021). Направленность и глубина таких мер зависит от текущего состояния экономики и сложившегося социально-экономического потенциала территории.

Логика наших исследований показывает, что необходимо формировать новое самостоятельное научное направление под названием «индивидуализация стратегий развития территорий». В результате его использования объективизированная, т. е. безликая стратегия социально-экономического развития оживляется и превращается в документ очеловеченного, т. е. субъективно-объективного видения будущего.

Наша гипотеза заключается в том, что, во-первых, переход к индивидуализации стратегий территориального развития порождается общими изменениями в общественных и индивидуальных потребностях, которые, в свою очередь, осознаются руководителями территорий и учитываются ими в практике. Во-вторых, личные качества руководителей территорий придают индивидуализированным стратегиям определенную красочность и своеобразие.

2. Истоки индивидуализации

В методологическом отношении важным является вопрос об истоках индивидуализации стратегического развития территорий, т. е. почему она не только возможна, но и необходима. Здесь возможны несколько подходов.

Первый. Поскольку стратегию развития формируют люди, то можно предположить, что их желания, оформленные в виде документов, и являются истоком

индивидуализации. Действительно, желания людей, их мечты, их видение будущего во многом определяют те цели и мероприятия, которые закладываются в документ долгосрочного развития территории (Бочко, Захарчук, 2019). Но, как известно, желания не всегда совпадают, а чаще не совпадают с объемами реальных материальных, интеллектуальных и других условий, сложившихся на данной конкретной территории из-за отсутствия на них реальных возможностей. Если возможности не учитывать, то никогда не удастся обеспечить достижение желаемых целей на заданный стратегический период.

В таком случае можно опираться на другой подход. Он может строиться на выявлении территориальных возможностей и закономерностей их долговременного развития в предыдущий период. На этой основе возможно построение стратегии развития территории путем экстраполяции возможностей и закономерностей на стратегическую перспективу. Казалось бы, что здесь все в порядке.

Однако этот метод обладает одним крайне большим минусом, состоящим в консервации сложившихся путей развития территории, т. е. в сохранении и продолжении прежних действий, хотя и проверенных временем, но непригодных в изменяющихся условиях. Фактически метод экстраполяции ведет к сдерживанию технического прогресса, поскольку обеспечивает количественный рост производства и не учитывает качественных перемен, происходящих как в обществе в целом, так и в хозяйственной деятельности предприятий.

Исходя из сказанного, напрашивается необходимость поиска иного подхода к индивидуализации стратегий, т. е. такого, который соединил бы лучшие стороны первых двух, а также обладал своей определенной самостоятельностью. По нашему мнению, методологически этот подход в качестве своей собственной основы должен иметь не просто желания или ресурсы, но и потребности. Вместе с тем это должны быть не просто потребности людей вообще, как чувство недостатка в чем-то, а потребности социальных групп местного населения.

3. Потребности социальных групп местного населения – источник индивидуализации стратегий развития территорий

То, что потребности как социально-экономическое явление представляет собой функциональную или психологическую нужду, характерную для отдельного человека, целой социальной группы людей, всего общества в теории давно известно. Наиболее ярко и наглядно это изложено в работах американского психолога Абрахама Маслоу (1908–1970). Он же описал иерархию потребностей с точки зрения мотивации личности. Эти его положения получили название «пирамида Маслоу». Она включает снизу-вверх пять ступеней потребностей: физиологические потребности, потребности в безопасности, потребности в любви и принадлежности, потребности в уважении, потребность в самоуважении (Маслоу, 2007, с. 60–68).

Известно также, что потребности являются движущей силой экономического развития. Ведь для удовлетворения разнообразных потребностей людей необходимы производство, распределение, обмен и потребление благ.

Но применительно к формированию индивидуальных стратегий территориального развития этих утверждений недостаточно. Здесь появляются некоторые новшества.

Первое из них состоит в том, что стратегические мероприятия устанавливаются в расчете не на отдельную личность и не на все территориальное сообщество

как определенную целостность. За базу здесь берутся нужды тех многочисленных групп людей (социальных слоев), которые живут на территории. Это и учителя, и врачи, и рабочие предприятий, и научные работники, и люди занятые в сфере культуры, и сотрудники сферы услуг, и даже студенты и школьники. Эти группы людей (социальных слоев) мы называем социальной базовой единицей индивидуализации стратегий развития территорий. Социальная базовая единица стратегического планирования территории является промежуточным звеном между отдельной личностью и территориальным сообществом в целом. Она выступает одновременно и субъектом и объектом долговременного планирования. Это означает, что здесь возникает новый уровень обобщенных потребностей, которые относятся не ко всему территориальному сообществу, а к каждой базовой социальной единице как части этого сообщества. Для нее выясняют свою обобщенную потребность, определяют желательные для нее цели и перспективы развития (Бочко, Захарчук, 2020). Если соотносить цели базовых социальных единиц с целью всего территориального сообщества, то можно сказать, что здесь появляется множество подцелей, соответствующих желаниям различных социальных базовых единиц. Следовательно, особенность индивидуализации стратегического развития всей территорий состоит в том, что она строится на достижении такой цели, которая является результатом переплетения, комбинирования и превращения в единые цели множества подцелей, которые выдвигают социальные базовые единицы.

Второе новшество состоит в том, что появляется особенность формирования самого документа стратегического развития территорий как документа общественного согласия.

Множество подцелей предполагает особенность фиксирования их в виде мероприятий, учитывающих интересы и потребности различных социальных базовых единиц. Естественно, что с каждым отдельным человеком нет физической возможности согласовать все эти вопросы. Поэтому механизмом решения проблемы такого согласования становятся мнения представителей этих групп. Их иногда называют «элита общества». Конечно, это очень громкое название, но за ним кроется готовность и нравственная способность небольшой части общества или его социального слоя к активной организационной и подвижнической деятельности.

Представителями социальных базовых единиц («элиты общества») могут быть как формальные лидеры, например, занимающие определенные должности в обществе, так и неформальные, т. е. общественные лидеры, выражающие мнения данного социального слоя, например, руководители организаций по сохранению исторической застройки территории, руководители ТСЖ (товариществ собственников жилья) организаций ТОС (территориального общественного самоуправления) и другие. Таким образом, именно через действия представителей базовых социальных групп, т. е. через решения конкретных людей достигается создание стратегий развития территорий как документа общественного согласия.

4. Обеспечение устойчивости индивидуализированной стратегии

При переходе на индивидуализированные стратегии развития территорий очень важным становится вопрос обеспечения ее устойчивости. Разные аспекты концептуального обоснования устойчивого социально-экономического развития территории нашли отражение в исследованиях российских ученых Г.И. Татенко, Т.В. Усковой, Е.К. Карпуниной, Н.Ю. Сорокиной (Татенко, 2017; Ускова, 2020; Карпустина, 2020;

Сорокина, 2014). В частности, в своей работе Сорокина Н. Ю., базируясь на синтезе ресурсного подхода и институциональной экономической теории, представляет концепцию устойчивого развития территории. По мнению автора «устойчивое развитие региона включает два взаимосвязанных процесса: эффективное использование социально-экономического потенциала и результативное управление его развитием» (Сорокина, 2014, с. 83), что, на наш взгляд, в полной мере отражает целевые ориентиры разработки индивидуализированной стратегии территории.

Кроме того, в основе устойчивого развития территории и ее индивидуализации находится положение об общественном согласии всех социальных базовых единиц. Более наглядно эту идею можно показать на примере рассмотрения территориального сообщества как социальной корпорации, а стратегического плана — как документа общественного согласия.

Идею социальной корпорации развивает академик В.Л. Макаров в своих работах. Но данный термин он относит лишь к типам муниципалитетов. В работе «Социальный кластеризм. Российский вызов» он пишет, что «одним из важных типов муниципалитета должен стать тип под названием «социальная корпорация». Далее В.Л. Макаров дает ей такое определение: «муниципалитет есть корпорация особого рода, миссией и целью которой является обслуживание населения наилучшим образом. Отсюда и название «социальная корпорация» (Макаров, 2010, с. 92). На наш взгляд, этот термин можно применять при индивидуализации стратегий развития любой территорий за исключением территории всей страны. Данный термин достаточно глубоко отражает стремление индивидуализированных стратегических планов решать проблемы комфортного (счастливого) проживания всех социальных групп территории, а не только определенной их части.

Рассмотрение индивидуализированной стратегии как документа социальной корпорации позволяет четче увидеть механизм устойчивого развития территории через действия представителей всех социальных групп. Он состоит в том, что эти представители («элита общества») должны быть равномерно распределены по всей пирамиде управления территорией. При этом важно, чтобы одна социальная группа не стала «старшим братом» другой социальной группе. Поэтому в идеале следует добиваться равносильности всех социальных групп, существующих на данной территории, т. е. чтобы это положение стало фактом, а не благим пожеланием.

Значительную устойчивость индивидуализированным стратегиям придает тот неоспоримый факт, что участие в их формировании, доведенное до выработки документа общественного согласия, резко повышает деятельные способности отдельных людей. Это происходит потому, что не только разработчики стратегий ищут механизмы удовлетворения потребностей всего сообщества, но и представители базовых социальных групп, а довольно часто и сами жители, занятые в различных сферах и отраслях производства, втягиваются в эту работу, высказывая предложения в соответствии со своими социальными интересами. Сначала эмоционально, а затем на рассудочном уровне они формулируют необычные, оригинальные идеи, опираясь в них не на пожелания, а на причинно-следственные зависимости. В результате всего этого происходит развитие совокупных и индивидуальных творческих способностей членов местного сообщества. Это одна из высочайших заслуг процесса формирования документа общественного согласия. Именно таким путем происходит повышение эффективности управления территорией.

Следует указать еще на одну важную сторону обеспечения устойчивости индивидуализированной стратегии. Она состоит в том, что механизм такого стратегического развития предусматривает не только выделения множества подцелей, но и то, что, возможно, еще более значимо: достижение результатов должно происходить одновременно по всем подцелям. Вследствие этого потребности ни одной социальной группы не уходят на второй план, все равны среди равных.

5. Соединение науки и практики – главный принцип стратегического развития

Соединение науки и практики является главным принципом стратегий развития территорий, поскольку его применение обеспечивает реальное проникновение в будущее на основе выявления причинно-следственных связей территориального социально-экономического развития и установления соответствующих им закономерностей и тенденций долговременного движения в будущее.

В то же время мысль о соединении науки и практики кажется тривиальной и не требующей доказательств. Возможно, что по этой причине на нее обращают мало внимания, хотя на самом деле она является корневой для успешного развития территориальных сообществ и страны в целом. В подтверждение этого тезиса приведем лишь несколько примеров из исторической практики.

Так, примером единения науки и практики явилось развитие шведской экономики в начале 1930-х гг., когда в стране бушевал экономический кризис. Тогда восемь молодых шведских исследователей опубликовали ряд произведений, которые по своим идеям о роли государства в экономике и необходимости поддержания высокого уровня занятости как условия быстрого развития страны, предвосхитили положения Дж. Кейнса по этим вопросам. «Именно эти восемь молодых исследователей, теоретические разработки которых стали называться «стокгольмской школой экономики», в 1937–1939 гг. оставили академическую науку и занялись практической реализацией этих разработок. Они вошли в состав правительства и академии наук, возглавили политические партии, профсоюзы, ведущие исследовательские институты» (Горохова, 1989, с. 6). Это сделали министр финансов Эрнст Вигфорсс (1881–1977) в проекте бюджета 1933 г., а в приложении к нему Гуннар Мюрдаль (1898–1987), ставший лауреатом Нобелевской премии (1974), представил теоретическое обоснование этой новой идеи, аргументировав применение пути активной политики стабилизации. К ним примыкали Эрик Линдаль (1891–1960), Беотиль Улин (1899–1979) и Эрик Лундберг (1907–1987). Они показали, что механизм общего равновесия, которого придерживались ранее политэкономы, уже не действует. Это альтернативное объяснение развивалось также Джоном Мейнардом Кейнсом (1883–1946) в Англии. Таким образом, Швеция стала первой в мире страной, избравшей идеи новой «антициклической» финансовой политики (Eklund, 1989, p. 123).

В конце XX в. на основе единения науки, качественного обучения и производства Ли Куан Ю (1923–2015), сотворил «сингапурское чудо», т. е. за несколько десятилетий превратил страну из отсталой, где даже пресную воду на остров привозили из соседних регионов, в богатейшую, с высоким уровнем жизни населения, где в островной речке водится форель — рыба, любящая чистойшую воду. Для проведения реформ Ли Куан Ю привлекал европейских высокообразованных менеджеров и специалистов. Без их деятельности невозможно было бы осуществить технологический прорыв.

В своей книге Ли Куан Ю писал: «Мы верили в наших молодых служащих, в их честность, интеллект, энергию, пусть даже и при полном отсутствии делового опыта. Из каждого выпуска мы отбирали и посылали лучших выпускников наших школ в лучшие университеты Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Германии, Франции, Италии, Японии, а впоследствии, когда у нас появились средства, — США. Мы вырастили из них наших собственных предпринимателей» (Lee KuanYew, 2000, p. 68).

В России также были яркие примеры экономической деятельности, построенной на научных подходах. Так, соединение науки и реальной хозяйственной практики в России еще в XIX — начале XX вв. очень наглядно демонстрировал Сергей Юльевич Витте (1849–1915) в бытность министром путей сообщения (февраль–август 1892), министром финансов (1892–1903), а также председателем Комитета министров (1903–1904) и председателем Совета министров России (октябрь 1905 — апрель 1906). Он за полвека до теоретиков и практиков Стокгольмской школы экономики разработал свой собственный научно обоснованный подход к подъему экономики страны. Это был народно-хозяйственный государственный подход к управлению отдельными отраслями на основе разграничения сфер управления и характера ответственности министерств.

В основе взглядов С.Ю. Витте на хозяйственное строительство была научная идея о единстве экономико-социальных и культурно-нравственных основ богатства. Так, говоря о сооружении Транссибирской магистрали (Транссиба), он подчеркивал «культурное влияние дороги в крае» (Витте, 2002, с. 232), ее большом цивилизующем значении. В другой работе он отмечал: «В настоящее время сибирской промышленности вследствие общего низкого уровня гражданственности в крае недостает опытных мастеров». В то же время строительство Транссиба обеспечит привлечение на Сибирские земли «более образованных общественных слоев, которые принесут с собою и капитал, и знание, и цивилизующее влияние в окружающей среде» (Витте, 2002, с. 231, 234).

Интересный пример, касающийся Урала. Так, на специальном заседании 6-го июля 1902 г. при обсуждении проекта строительства железной дороги от Невьянска, через Алапаевск, Ирбит до реки Тавды у села Таборинского, С.Ю. Витте говорил, что «Всякая новая железная дорога, удовлетворяя целому ряду местных интересов, вместе с тем не должна быть чужда и обслуживанию транзитных перевозок» (Витте, 2002, с. 577). Здесь в очередной раз проявлялась научная мысль об увязке для будущего развития территории местных интересов с общегосударственными.

Приведем одну из формул будущего образа России, данную С.Ю. Витте. В докладе о поездке на Дальний Восток в июне–сентябре 1902 г. он писал, что Сибирская железная дорога принесет выгоды России: «для русской промышленности создастся новый обширный внутренний рынок; избытки населения Европейской России найдут себе выход на новые обширные пространства Сибири, удобные для колонизации; разработка естественных богатств Сибири, возрастание ее населения и развитие промышленности увеличат производительные силы нашей родины, а сама Сибирь станет активной участницей культурной жизни» (Витте, 2002, с. 334).

Необходимо также вспомнить работы Н.Н. Колосовского (1891–1954), советского экономиста и экономико-географа, одного из создателей теории районирования как инструмента стратегического управления региональным развитием.

Приведем лишь два теоретико-методологических положения, высказанные Н.Н. Колосовским о связи науки с производством. Первое. Развивая мысли о формировании ТПК (территориально-производственных комплексов), он выдвинул идею об «экономическом эффекте за счет удачного подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением» (Колосовский, 1958, с. 69). Второе. Продолжая мысль о важности сочетания природных богатств с экономико-географическим и транспортным положением территории, Н.Н. Колосовский дополнил ее утверждением о необходимости сочетания «различных ресурсов, производственных мощностей, населения с его трудовыми и культурными навыками, историей экономики, транспортными устройствами и другими экономическими ценностями, представляющими собой производственно-территориальный комбинат» (Колосовский, 1969, с. 269).

Блестящий пример связи науки с производством на отдельной территории представляет деятельность Н.Н. Колосовского на Урале во время Великой Отечественной войны.

В связи с прибытием на Урал огромного количества эвакуированных предприятий Уральская железная дорога не справлялась с нагрузкой. Необходимо было в течение сентября–октября 1941 г. разработать предложения по нормализации транспортных связей Среднего Урала.

В Свердловск для участия в работе Комиссии Уральского филиала АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны из Москвы был направлен Н.Н. Колосовский. Он возглавил транспортно-энергетическую группу.

Уже в ноябре 1941 г. в Комиссию были представлены две работы: «Железнодорожный транспорт Урала: неотложные мероприятия военного времени» и «Тагильский железнодорожный узел: рекомендации в связи с военными условиями». На их основе коллектив авторов подготовил работу «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны». Содержавшиеся в них предложения позволили решить поставленную задачу. За эту работу коллектив ученых, включая Н.Н. Колосовского, указом от 10 апреля 1942 г. был удостоен Сталинской премии первой степени по экономическим наукам.

Стратегия есть согласованное использование множества взаимосвязанных частных для достижения поставленной долговременной цели. Следовательно, в каждой частности должна присутствовать доля смысла целого. Но эта доля будет разной. В нижних уровнях, т. е. там, где стратегия соприкасается с техническим решением вопросов, в большей мере имеет место насыщение ее частных производственно-техническими элементами. В то же время в высших уровнях, т. е. там, где идет соединение производственно-технических действий с государственно-политическими и социально-культурными, там доля морально-этических составляющих значительно выше. Поэтому главную ответственность за установление и удержание в стратегии нравственно-этических составляющих несет высшее руководство территории.

Если же оно это не осознает или не умеет долговременно удерживать заложенные в стратегию морально-этические ценности, неизбежно произойдет переро-

ждение стратегии, насыщенной высшими идеалами, в стратегию обычных экономических и (или) технических решений. Это значит, что потеряются не только высшие идеалы стратегии, но и произойдет постепенное разрушение всего каркаса задуманной стратегии. Неизбежно появится чувство ее ложности и бессмысленности в головах остальных исполнителей, особенно нижнего уровня.

Мы исходим из положения, что восходящий процесс формирования цивилизованных отношений не может быть остановлен при любых обстоятельствах, даже очень критических. В нравственно-этическом отношении мир движется от эгоистического поведения к поведению в пользу долга. Именно эта направленность позволила многим странам обеспечить не просто осуществление индустриализации, но индустриализации с позиций социального прогресса. Прав был немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920), когда писал, что «Повсеместное господство абсолютной беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являлись «отсталыми» по западноевропейским масштабам» (Weber, 1930, p. 197).

Увидеть элементы скрытого будущего может отдельная личность в силу своего критического ума (Mintzbergetal, 1998). Но этого недостаточно. Для успешной реализации стратегии требуется не только наличие духовно богатых личностей, способных давать правильную оценку текущим результатам и возникающим затруднениям, но и умеющих принимать реальные шаги по решению существующих проблем.

Из сказанного следует, что при решении вопросов индивидуализации стратегий развития территории значительно повышается роль ее высшего должностного лица — главы региона или муниципального образования. В том случае, если это лицо заинтересовано в разработке стратегии социально-экономического развития подведомственной ему территории с использованием индивидуализированного подхода, т. е. учитывающего особенности и потребности всех социальных групп данного территориального сообщества, то вероятность разработки качественной стратегии развития территории очень высока. Во многом это связано с тем, что ее глава не только сам глубоко понимает нужды территории, но и обладает полномочиями по привлечению необходимых для этого ресурсов (трудовых, финансовых, материальных и др.).

Итак, казалось бы, что дан исчерпывающий ответ по поводу осуществления индивидуализированной стратегии. Но это не так. Дело в том, что такая стратегия, несмотря на значительные усилия первого лица по активному ее продвижению, не всегда будет успешно реализовываться. В крайнем случае будут достигнуты «бумажные» успехи, а не реальные. Что же тормозит процесс? Теория и практика показывают, что существует еще одна не менее важная сила, которая сдерживает осуществление индивидуализированной стратегии. Ею являются люди, проживающие на данной территории с их общественным мнением.

Здесь мы сталкиваемся с так называемой проблемой экономического антропоцентризма, где человек выступает высшей ценностью и самоцелью развития. Исходя из этого понимания важности человека, разработчики типовых стратегических документов рекомендуют просто вписывать в цели развития территории общую идею повышения благосостояния личности. На этом вся теория вопроса заканчивается. Такой подход, конечно, правильный, но в высшей степени абстрактный.

Мы же, говоря об антропоцентризме в стратегическом развитии территорий, ставим вопрос о сдвиге в сторону конкретики, т. е. к учету мнений членов социальных базовых единиц. Так врачи воспринимают окружающий мир несколько иначе, чем учителя, а промышленные рабочие — не так, как врачи и не так, как учителя. То же самое можно сказать о восприятии мира всеми социальными слоями общества — менеджерами, работниками культуры, учеными, работниками ЖКХ, строителями и т. д. Эти группы людей, независимо от их персональных мнений, образуют своего рода микросообщества со специфическим для них видением окружающего мира.

В этом аспекте тема антропоцентризма еще не исследовалась. Но, на наш взгляд, она заслуживает своего внимания. Проблема соотношения антропоцентризма и индивидуализации стратегий развития является не только одной из интереснейших, но и вообще полностью новой в теории долгосрочного планирования.

Конечно, все должно быть направлено на человека, а еще шире — на всех жителей соответствующей территории или страны в целом. Но тогда получается, что всех жителей принимают как общую, единую массу без учета их экономического, социального, культурного, исторического и иного разнообразия. А ведь люди разные. Не всех интересуют проблемы возвеличения территории, роста производительности территориального труда, глубокое проникновение в перспективы развития того пространства, где они проживают. Обычно выделяется только незначительная часть общественно активных граждан, людей с избыточной энергией, направленной на созидание нового, благополучного общества. Именно они обеспечивают прогресс территориального развития через разработку специальных документов, программ, методик.

Если они открыто не выступают против ее проведения, то сохраняется ведущая роль первого лица, управляющего территорией. Если же они духовно не понимают и тем более не приемлют предложенную стратегию, то первое лицо не сможет добиться успеха, несмотря на все его многомерные старания. Поэтому обеспечить движение в сторону благополучного будущего может данная личность лишь в единстве с положительным мнением основной части жителей территории. Только единство воли этих двух интеллектуальных сил — административной и общественной — обеспечит движение к задуманной цели. При этом ответственность за результаты всегда несет лидер проводимого движения.

Все приведенные выше рассуждения авторов статьи являются не их логическими умозаключениями. Они выведены из практики нашей работы по составлению и продвижению в жизнь индивидуализированных планов стратегического развития муниципальных образований — от малых и средних по численности населения до города-миллионника Екатеринбурга. Всюду срабатывало одно правило: только в единстве двух сил — административно-управленческой и общественной — залог успешной индивидуализации стратегий развития территорий.

6. «Эффект кобры» при индивидуализации стратегий или негативные последствия от добрых намерений

При осуществлении индивидуализации стратегий развития территорий не исключаются ситуации, когда добрые намерения могут обернуться негативными последствиями. Это может быть в двух случаях: во-первых, когда люди скрыто или открыто начинают обходить предложенную систему мер, во-вторых, когда включаются повышенные административные рычаги для достижения цели.

Получение негативных результатов при добрых намерениях получило название «эффект кобры». Этот термин ввел в научный оборот немецкий экономист Хорст Зиберт (1938–2009). Он описал ситуацию, связанную с борьбой против ядовитых змей в годы английского колониального правления в Индии. Англичане обнаружили, что развелось много кобр. Чтобы избавиться от них правительство установило премию за каждую доставленную голову кобры. Тут же население, чтобы получить повышенный доход, стало специально разводить змей. Тогда правительство отменило вознаграждение за каждую убитую кобру. Индийцы в свою очередь выпустили змей на свободу. В итоге количество кобр не уменьшилось, а даже возросло по сравнению с первоначальным периодом. Другую сторону возникновения негативных последствий Хорст Зиберт описал словами: «Если бюрократия начнет заведовать песком в Сахаре, то и там он будет дефицитным благом» (Siebert, 2002, p. 12).

«Эффект кобры» при индивидуализации стратегий наиболее ярко проявляется тогда, когда руководители территорий опираются на свою интуицию и подкрепляют свои решения примерами удачного опыта из своей практики. Но текущая жизнь постоянно меняет условия протекания социально-экономических процессов. Они становятся другими, т. е. не обеспечивают сохранение тех удачно сложившихся обстоятельств, которые были в прошлом. Поэтому каждый раз следует не убежать от научного анализа действительности, а вновь и вновь анализировать ее, устанавливая новые причинно-следственные зависимости. Главное при введении различных институциональных мер избегать ложных стимулов.

Значительную опасность представляет выпячивание условий для комфортной жизни лишь определенного слоя людей территориального сообщества в ущерб остальным социальным группам этого же сообщества.

Кроме того, нельзя забывать, что люди могут менять ориентиры и предпочтения в зависимости как от меняющихся обстоятельств, так и от смены самих человеческих поколений. В этом случае опыт прошлого не всегда может давать положительный эффект в будущем. Ведь структура отношений изменяется, возникают новые производственные и финансовые связи. Их необходимо своевременно учесть. Интуиция не всегда помогает. Поэтому принципиальную роль начинает играть профессионализм управленцев, соединенный с новыми научными пониманиями происходящих процессов (Мокий, Борзенко, 2019).

Исследователи, если они действительно творческие личности, обычно успевают выявить новые линии поведения людей в изменившихся обстоятельствах и предложить соответствующие инструменты решения проблемы. Как считал Роберт Э. Лукас, лауреат Нобелевской премии по экономике (1995), индивид обычно предвосхищает то, что с ним произойдет. Это базовый тезис концепции рациональных ожиданий (Беккер, 2009, с. 415–431). Задача науки заключается в быстром соединении отдельных предпочтений в системное видение будущего.

Люди гибко реагируют на изменяющиеся обстоятельства и стараются оптимизировать свою деятельность применительно к будущему.

7. Заключение

Изложенные теоретико-методологические аспекты перехода от типовых стратегий развития территорий (моделей) к их индивидуализации очень важны для понимания самой проблемы и создания механизмов по превращению идей в практику.

Но еще более важным является методологическое положение, согласно которому, чтобы такой переход осуществить, надо начать действовать. Следует иметь в виду, что реальный процесс индивидуализации планов развития территорий возможен только в процессе их формирования.

Переход к практике предполагает создание дополнительных мер в виде институтов развития территории, постоянно действующих семинаров, консультационных пунктов и других структур, обеспечивающих возможность участников индивидуализации стратегического планирования разговаривать на одном языке.

Общий вывод. Создание и реализация индивидуальных стратегий развития территории опирается на способности ее высшего руководства, но зависит от совокупного положительного общественного мнения большинства ее жителей.

Список источников

Баранский, Н. Н. (1964). *Экономическое районирование и народное хозяйство СССР*. Москва: Мысль, 230.

Беккер, Г. С. (2009). Лекция памяти Альфреда Нобеля, прочитанная 9 декабря 1992 г. Экономический взгляд на мир. Под ред. чл.-кор. РАН В. В. Окрепилова. *Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии*. Т. 2. 1983–1996. Санкт-Петербург: Наука, 477.

Бочко, В. С., Захарчук, Е. А. (2019). Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории. *Журнал экономической теории*, 16 (4), 688–704. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.7>

Бочко, В. С., Захарчук, Е. А. (2020). Индивидуализация стратегий развития городов. На примере Екатеринбургa и Бирмингемa. *Экономика региона*, 16 (2), 391–405. <http://doi.org/10.17059/2020-2-5>

Витте, С. Ю. (2004). *Собрание сочинений и документальных материалов*. Т. 1, *Пути сообщения и экономическое развитие России*, кн. 2, ч. 1. Редкол.: Н. К. Фигурновская (отв. ред.) и др. Москва: Наука, 646.

Горохова, К. Г. (1989). «Государство благосостояния»: шведская модель. Москва: Знание, 64.

Гранберг, А. Г. (2000). Учебник «Основы региональной экономики»: о структуре, методологии и содержании» (авторский комментарий). *Российский экономический журнал*, 10, 61–74.

Демьяненко, А. Н. (2021). Особенности формирования городского пространства Хабаровской агломерации. *Тихоокеанская география*, 3 (7), 51–63. https://doi.org/10.35735/26870509_2021_7_51

Карпунина, Е. К. (2020). Парадигма устойчивого развития в цифровой экономике. *Экономист*, 2, 25–34.

Книпович, Б. Н. (2003). *К методологии районирования*. Сб. трудов. Под ред. Л. В. Смирнягина. Москва: Трилобит, 160.

Колосовский, Н. Н. (1958). К вопросу об экономическом районировании. *Основы экономического районирования* (с. 60–85). Москва: Госполитиздат.

Колосовский, Н. Н. (1969). Методология и методика работы по обоснованию системы экономических районов СССР. *Теория экономического районирования* (с. 249–335). Москва: Мысль.

Макаров, В. Л. (2010). *Социальный кластеризм. Российский вызов*. Москва: Бизнес Атлас, 272.

Маслоу, А. (2007). *Мотивация и личность*. 3-е изд. Пер. с англ. СПб.: Питер, 352.

Мокий, М. С., Борзенко, Е. К. (2019). Системные причины появления «эффекта кобры» в управлении социально-экономическим развитием. *ЭНСР*, 3 (86), 51–61. [https://www.doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3\(86\)-51-61](https://www.doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3(86)-51-61)

Плеханов, Г. В. (1956). К вопросу о роли личности в истории. *Избранные философские произведения в 5-ти тт.* (Т. 2. с. 300–334). Москва: Госполитиздат, Соцэкгиз.

Сорокина, Н. Ю. (2014). Концептуальная модель устойчивого развития региона на основе эффективного управления его социально-экономическим потенциалом. *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*, 2(68), 79–86.

Татенко, Г. И. (2017). Европейская концепция стратегического планирования развития территории. *Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)*, 11(44), 68–71.

Трифонова, П. С. (2021). Основные стратегические документы субъектов Российской Федерации: анализ, актуализация, индивидуализация. *Вестник университета*, 6, 31–43. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-31-43>

Ускова, Т. В. (2020). Устойчивость развития территорий и современные методы управления. *Проблемы развития территории*, 2(106), 7–18. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.2.106.1>

Файбусович, Э. Л., Герасименко, Э. Л. (2010). *Регионалистика*. 2-е изд. исправленное и дополненное. Оренбург: ОГУ, 94.

Шарыгин, М. Д. (2006). *Основы региональной политики*. Пермь: Пермский гос. ун-т, 223.

Eklund, K. (1988). *Var ekonomi: En introd. till samhällsekonomin*. Stockholm: Tiden, 327.

Isard, W. (1960). *Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science*. New York, Cambridge: Published jointly by the Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology and Wiley, 487.

Lee Kuan Yew (2000). *From Third World to First: The Singapore Story*. New York: HarperCollins Publishers, 752.

Mintzberg, G. et al. (1998). *Strategy safari: A Guided Tour through the Wilds of Strategic Management*. New York: The Free Press, 406.

Siebert, H. (2002). *Der Kobra-Effekt: Wie man Irrwege der Wirtschaftspolitik vermeidet [The cobra effect: How to avoid the mistakes of economic policy]*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 292.

Weber, M. (1930). *The Protestant ethic and the spirit of capitalism*. New York: Scribner, 322.

References

Baranskiy, N. N. (1964). *Ekonomicheskoe rayonirovanie i narodnoe khozyaystvo SSSR [Economic zoning and Soviet economy]*. Moscow, Russia: Mysl', 230. (In Russ.)

Becker, G. S. (2009). Lektsiya pamyati Al'freda Nobelya, prochitannaya 9 dekabrya 1992 g. Ekonomicheskii vzglyad na mir [Prize Lecture to the memory of Alfred Nobel, December 9, 1992. The Economic Way of Looking at Life]. In V. V. Okrepilov (Ed.). *Laureaty Nobelevskoy premii po ekonomike: avtobiografii, leksii, kommentarii [Nobel Laureates in Economics: Autobiographies, Lectures, Commentaries]*. Vol. 2. 1983–1996. St Petersburg, Russia: Nauka, 477. (In Russ.)

Bochko, V. S., & Zakharchuk, E. A. (2019). Metodologiya formirovaniya obraza budushchego pri razrabotke strategii razvitiya territorii [Methodology for Formation of “the Image of the Future” in Strategic Planning]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 16(4), 688–704. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.7> (In Russ.)

Bochko, V. S., & Zakharchuk, E. A. (2020). Individualizatsiya strategiy razvitiya gorodov. Na primere Ekaterinburga i Birmingema [Individualization of City Development Strategies: Case of Ekaterinburg and Birmingham]. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 16(2), 391–405. <http://doi.org/10.17059/2020-2-5> (In Russ.)

Demyanenko, A. N. (2021). Osobennosti formirovaniya gorodskogo prostranstva Khabarovskoy aglomeratsii [Features of the Formation of the Urban Space of the Khabarovsk Agglomeration]. *Tikhookeanskaya geografiya [Pacific geography]*, 3(7), 51–63. https://doi.org/10.35735/26870509_2021_7_51 (In Russ.)

Eklund, K. (1988). *Var ekonomi: En introd. till samhällsekonomin*. Stockholm: Tiden, 327. (In Swedish)

Faybusovich, E. L. (2010). *Regionalistika [Regionalistics]*. 2nd Edition, Corrected and Extended. Orenburg, Russia: OGU, 94. (In Russ.)

Gorohova, K. G. (1989). “*Gosudarstvo blagosostoyaniya*”: *shvedskaya model’* [Welfare State: The Swedish Model]. Moscow, Russia: Znanie, 64. (In Russ.)

Granberg, A. G. (2000). *Osnovy regional’noy ekonomiki: o strukture, metodologii i sodержanii* [Textbook “Fundamentals of Regional Economics”: Structure, Methodology and Content]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 10, 61–74. (In Russ.)

Isard, W. (1960). *Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science*. New York, Cambridge: Published jointly by the Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology and Wiley, 487.

Karpunina, E. K. (2020). Paradigma ustoychivogo razvitiya v tsifrovoy ekonomike [The Sustainable Development Paradigm in the Digital Economy]. *Ekonomist* [Economist], 2, 25–34. (In Russ.)

Knipovich, B. N. (2003). *K metodologii rayonirovaniya* [To the methodology of zoning]. Collection of research papers. In L. V. Smirnyagin (Ed.). Moscow, Russia: Trilobit, 160. (In Russ.)

Kolosovskiy, N. N. (1958). K voprosu ob ekonomicheskom rayonirovanii [On the issue of economic regionalization]. *Osnovy ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Principles of economic regionalization] (pp. 60–85). Moscow, Russia: Gospolitizdat. (In Russ.)

Kolosovskiy, N. N. (1969). Metodologiya i metodika raboty po obosnovaniyu sistemy ekonomicheskikh rayonov SSSR [Methodology and methods of work on substantiation of the system of economic regions of the USSR]. *Teoriya ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Theory of Economic Regionalization] (pp. 249–335). Moscow, Russia: Mysl’. (In Russ.)

Lee Kuan Yew (2000). *From Third World to First: The Singapore Story*. New York: HarperCollins Publishers, 752.

Makarov, V. L. (2010). *Sotsial’nyy klasterizm. Rossiyskiy vyzov* [Social clustering. Russian challenge]. Moscow, Russia: Biznes Atlas, 272. (In Russ.)

Maslow, A. H. (2007). *Motivatsiya i lichnost’* [Motivation and personality]. 3rd Edition. St Petersburg, Russia: Piter, 352. (In Russ.)

Mintzberg, G. et al. (1998). *Strategy safari: A Guided Tour through the Wilds of Strategic Management*. New York: The Free Press, 406.

Mokiy, M. S., & Borzenko, E. K. (2019). Sistemnye prichiny poyavleniya «effekta kobry» v upravlenii sotsial’no-ekonomicheskim razvitiem [Systemic Causes of the Appearance of “Cobra Effect” in the Management of Socio-Economic Development]. *ENSR* [Economics of Contemporary Russia], 3(86), 51–61. [https://www.doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3\(86\)-51-61](https://www.doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3(86)-51-61) (In Russ.)

Plekhanov, G. V. (1956). K voprosu o roli lichnosti v istorii [On the Question of the Individual’s Role in History]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 5-ti tt.* [Selected Philosophical Works, 5 vols.]. (Vol. 2, pp. 300–334). Moscow, the USSR: Gospolitizdat, Sotsekgiz. (In Russ.)

Sharygin, M. D. (2006). *Osnovy regional’noy politiki* [Fundamentals of Regional Policy]. Perm, Russia: Perm State University, 223. (In Russ.)

Siebert, H. (2002). *Der Kobra-Effekt: Wie man Irrwege der Wirtschaftspolitik vermeidet* [The cobra effect: How to avoid the mistakes of economic policy]. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 292. (In German)

Sorokina, N. Yu. (2014). Kontseptual’naya model’ ustoychivogo razvitiya regiona na osnove effektivnogo upravleniya ego sotsial’no-ekonomicheskimi potentsialom [Conceptual Model of Sustainable Development of the Region Based on the Effective Management of Its Social and Economic Potential]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2(68), 79–86. (In Russ.)

Tatenko, G. I. (2017). Evropeyskaya kontseptsiya strategicheskogo planirovaniya razvitiya territorii [European Concept of Strategic Planning for the Development of the Territory]. *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh (ESU)* [Eurasian Union of Scientists], 11(44), 68–71. (In Russ.)

Trifonova, P. S. (2021). Osnovnye strategicheskie dokumenty sub’ektov Rossiyskoy Federatsii: analiz, aktualizatsiya, individualizatsiya [The Main Strategic Documents of the Russian Federation’s Subjects: Analysis, Actualization, Individualization]. *Vestnik universiteta*, 6, 31–43. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-31-43> (In Russ.)

Uskova, T. V. (2020). Ustoychivost' razvitiya territoriy i sovremennye metody upravleniya [Territories' Sustainable Development and Modern Management Methods]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]*, 2 (106), 7–18. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.2.106.1> (In Russ.)

Weber, M. (1930). *The Protestant ethic and the spirit of capitalism*. New York: Scribner, 322.

Witte, S. Yu. (2004). *Sobranie sochineniy i dokumental'nykh materialov [Collected works and documentary materials]. Vol. 1, Ways of communication and economic development of Russia, book. 2, part 1*. In N. K. Figurnovskaya (Ed.) Moscow, Russia: Nauka, 646. (In Russ.)

Информация об авторах

Бочко Владимир Степанович — доктор экономических наук, профессор, Заслуженный экономист РФ, заведующий отделом региональной конкурентоспособности, главный научный сотрудник Центра стратегического развития территорий, Институт экономики Уральского отделения РАН, <https://orcid.org/0000-0003-3674-1778> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург ул. Московская, д. 29; e-mail: bochko.vs@uiec.ru).

Захарчук Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра стратегического развития территорий, Институт экономики Уральского отделения РАН, <https://orcid.org/0000-0001-5546-8127> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург ул. Московская, д. 29; e-mail: zakharchuk.ea@uiec.ru).

About the authors

Vladimir S. Bochko — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Head of the Department of Regional Competitiveness, Chief Research Associate, Center for Strategic Development of Territories, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-3674-1778> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: bochko.vs@uiec.ru).

Ekaterina A. Zakharchuk — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Center for Strategic Development of Territories, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-5546-8127> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: zakharchuk.ea@uiec.ru).

Дата поступления рукописи: 01.02.2023.

Прошла рецензирование: 21.02.2023.

Принято решение о публикации: 18.05.2023.

Received: 01 Feb 2023.

Reviewed: 21 Feb 2023.

Accepted: 18 May 2023.